

Аджуа И. Байрамукова (Карачаево)

Герменевтические принципы толкования слов и выражений в художественных текстах и «Толковом словаре живого великорусского языка» В. И. Даля

Ключне речи:
герменевтика, толкование, дефиниция, художественный текст, словарь.

У раду се разматрају херменеутички принципи тумачења речи и израза у књижевноуметничким текстовима и Речнику живої великорускої језика са њумачењима Владимира Даља.

Лингвоэнциклопедический метод В. И. Даля в художественном тексте дополняется герменевтическими процедурами. Герменевтическое мышление ученого обнаруживает необходимость в истолковании. Феномен процессов истолкования связан с такими явлениями, которые ученые обозначают специальными терминами: «языковое чутье», «чувство языка», «интуиция» (Левина 1978), «молчаливое знание, которое спрятано в «глубинах» человеческого сознания» (Вежбицкая 1996). Анализируя метаязыковое рефлектирующее сознание, исследователи отмечают, что «в важнейших проявлениях данного феномена носитель языка встает «над» языком, выступая в роли субъекта, познающего язык во всех

его ипостасях и самого себя как носителя языка» (Голев 2009: 7).

Для В. И. Даля с обостренным чувством языка важна передача картины смысла для эффективного понимания. Согласно теории Л. С. Выготского, умение понимания состоит в том, чтобы «ориентироваться в сложном внутреннем пространстве, которое можно было бы считать системой отношений. В этом устанавливании отношений, выделении важного, в сведении и переходе заключается процесс, называемый обычно пониманием» (Выготский 1996: 169). Интересны мысли Г. И. Богина о рефлексии при восприятии речи: «Понимание может быть только так, где возможно непонимание. Сказанное касается собственно

 Стихи 2012

понимания, а не автоматического восприятия привычных речений. Такие речения «понятны и без понимания. Собственно понимание достигается через рефлексию» (Богин 1998: 62).

230

Многие ученые в своих исследованиях обращаются к феномену лингвистической рефлексии в художественном тексте. Принципы толкования в художественном тексте связаны с образом автора. Изучая образ автора, В. В. Виноградов приходит к выводу: «Образ автора – это не простой субъект речи, чаще всего он даже не назван в структуре художественного произведения. Это – концентрированное воплощение художественной сути произведения, объединяющее всю систему речевых структур персонажей в их соответствии с повествователем-рассказчиком или рассказчиками и через них являющееся идейно-стилистическим средоточием, фокусом целого» (Виноградов 1971: 118).

Как отмечает Б. Л. Губман, «В дискурсе, текстовом повествовании, заключенном в обыденном языке, воспроизведен некоторый мир, предполагаемый в своем объективном или же заведомо воображаемом воплощении. Говорение должно быть отнесено к вещам, людям, свойствам и отношениям, присущим понимаемому миру. По всей видимости, понимание и осмысленность можно развести лишь в абстракции, как это и делает Рикер. Ведь мир как принимаемая данность являет некую смысловую ценность, которая подается в определенном ракурсе через ткань дискурса, содержащего всегда скрытую или явную интерпретацию. Пульсация смыслового наполнения дискурса оказывается зависимой от отнесенности к миру, преломленной в творческом усилии его автора» (Губман 2005: 359).

Герменевтическая практика В. И. Даля в организации художественных текстов характеризуется следующими видами герменевтических действий:

1. Герменевтическая работа со словом, выражающаяся: 1) в практике дефинирования; 2) в практике введения сносок-комментариев.

2. Герменевтическая работа с фактами «наивной» лингвистики, «народной» лингвистики с целью истолкования слов, созданных в живой речевой практике.

3. Герменевтическая работа с пословицами и поговорками с целью прояснения явлений.

Для писательской речетворческой деятельности В. И. Даля опорной становится именно лингвистическая герменевтическая работа. Данные виды герменевтической деятельности коррелируют с герменевтической лексикографической концепцией «Толкового словаря живого великорусского языка».

Многие исследователи указывают на предрасположенность к языковой рефлексии отдельных личностей. Данная предрасположенность относится и к герменевтической практике В. И. Даля, когда он в морских журналах, будучи юным мичманом, приводит развернутые герменевтические толкования к словам.

Лексикографическая деятельность на уровне художественных текстов имеет познавательные истоки и показывает стремление автора изложить суть тех или иных явлений. Сноски-комментарии и примечания в конце текста несут большой объем различной лингвоэтнографической информации. Элементы лексикографии в структуре художественных текстов можно рассматривать как способ постижения и донесения до читателя своей и чужой культуры. В. И. Даль ком-

ментирует практически все слова, которые могут быть не понятны читателю, и приходит к серьезным лексикографическим обобщениям.

Авторскую цель включения в художественные тексты герменевтических (лексикографических) вставок можно интерпретировать следующим образом: 1) герменевтический подход к изображению реальности, который приводит к истолковательной деятельности в структуре художественных текстов; 2) исключение проблемы непонимания: адресатами текстов В. И. Даля являются различные группы читателей, поэтому необходимость истолкования и комментирования слов является художественной реальностью текстов В. И. Даля и логическим следствием его многогранной филологической деятельности; 3) комментирование заимствованной лексики следует рассматривать как лингвоэтнографические и лингвокультурологические шаги ученого, которые можно назвать лингвистическим, этнографическим, культурологическим прояснением реальности.

Можно выделить группы слов, которые подвергаются процедуре истолкования в соответствии с авторскими задачами: 1) слова, называющие неизвестные реалии – агнонимы; 2) слова живого русского языка, чаще всего неизвестные читателю – агнонимы; 3) экзотизмы.

В. И. Даль в герменевтических (лексикографических) вставках трактует повседневность русского народа. Автор прекрасно знал мир повседневности русского человека, поэтому стремился познакомить неосведомленного читателя с особенностями этого мира. «Под «миром повседневной жизни» – пишет А. Щюц – мы будем иметь в виду intersubъективный мир, который существовал задолго до нашего рождения и интерпретиро-

вался другими нашими предшественниками, как мир организованный. Теперь он дан нашему переживанию и интерпретации. Любая интерпретация этого мира базируется на запасе прежних его переживаний – как наших собственных, так и переданных нам нашими родителями и учителями – и этот в форме «наличного знания» функционирует в качестве схемы соотнесения» (Щюц 2004: 402).

Т. Г. Винокур говорит о том, что «появилась возможность более прямо соотнести задачи лингвистики с культурно-содержательным анализом общества... Ср. мысль Г. О. Винокура о том, что при более широком взгляде на состав филологических наук «речь идет [...] не только о слове, но и вообще о всяком выражении духовной деятельности человека, и тогда пределы наук филологического цикла раздвигаются настолько, что включают в себя обширную область наук о человеке и обществе, то есть не только историю языка и историю литературы во всем объеме их проблем, но также историю философии, историю искусств, верований, быта, хозяйства, права, государства»... Эту мысль нельзя, впрочем, отделить от мысли о том, что отношения филологии и языкознания отличаются большой сложностью»... Иными словами, лингвистика также встает на путь, идя по которому мы можем через изучение языка изучать общество так как филологический метод сам по себе является показателем национальной культуры, стремящейся «к универсализму и энциклопедизму» (Винокур 1993: 11).

Избежание проблемы непонимания является одной из задач познавательной стратегии В. И. Даля. Когда недостаточно лингвистической и логической компетенции читателя, автор приходит к нему на помощь. Герменевтические

(лексикографические) своды участвуют в создании гармонической организации текста. Практика дефинирования в художественных текстах представляет собой интересный речетворческий акт писателя-лексикографа. Лексикографическая деятельность В.И. Даля по толкованию слов в рамках художественных текстов можно назвать «художественной лексикографической герменевтикой».

232

Рассмотрим герменевтическую практику художественного толкования в ее отношении к технике лексикографического толкования в «Толковом словаре».

1. Герменевтическая работа со словом, выражающаяся: 1) в практике дефинирования; 2) в практике введения сносок-комментариев.

Герменевтические (лексикографические) тенденции В.И. Даля явно просматриваются во время прочтения художественных текстов автора. Комментирование лексики, ее толкование в структуре художественных текстов следует рассматривать как непрерывную лингвистическую деятельность В.И. Даля. Писатель-лингвист постоянно излагает свои соображения по поводу происхождения терминов. На страницах художественных текстов читатель постоянно встречается с этимологическими изысканиями автора и другими комментариями. В.И. Даль ведет просветительскую лингвистическую работу, помогает читателю в восприятии текста. Комментирование слов – лингвистическая рефлексия писателя. Во время прочтения лексикографических рамок читатель может созерцать воплощение предметного мира в художественный текст. В.И. Даль нередко имитирует речь героев, отсюда вытекает скрупулезный анализ этих компонентов.

Практика дефинирования раскрывает тяготение В.И. Даля к лексикографической деятельности.

Н.И. Кондаков в своем «Логическом словаре-справочнике» дает следующее определение дефиниции – «предложение, описывающее существенные и отличительные признаки предметов или раскрывающее значение соответствующего термина. Часто в дефиниции дается указание на ближайший род, в который входит данный предмет, и на видовое отличие этого предмета от всех остальных видов, составляющих род» (Кондаков 1975: 141).

В.И. Даль как бы встраивает дефиницию в ткань художественного повествования, дефиниция мыслится не как инородная лексикографическая вставка: она представляет собой художественное определение – толкование с целью прояснения сущности и осуществления художественного эффекта. Начало рассказа «Ворожея» содержит художественную дефиницию, представляющую собой синонимический ряд: «Прибыв сам-друг с товарищем в действующую армию нашу, под Силистрию, мы начали устраиваться там и обзаводиться военно-походным хозяйством. Одна из первых и главных потребностей или принадлежностей его, для новичка, это – конюх и конюшенный, приспешник и кравчий, домострой и постельник, ухаживчик и пестун, в одном и том же лице, то есть денщик» (Автор, «Ворожея») (Даль 1897, 4: 211). Для большего художественного эффекта и раскрытия сути денщика автор в нарастающем порядке толкует с помощью процедуры жонглирования синонимами специфику деятельности денщика. С помощью дефиниционных толкований автор открывает перед читателем возможность проникнуть в различные «жизненные

миры»: «Уланов ночью успел распутать руки, а там и ноги, взял с земли киргизское оружие ай-балта, топор на длинном топорнице, и так хватил киргиза, который лежал к нему ближе, по голове, что этот растянулся на месте; двое остальные вскочили» (Автор, «Тимофей Уланов» // «Солдатские досуги») (Даль 1897, 6: 95). Возможность понимания заложена в дефиниционном толковании – происходит перекрестное знакомство с реалиями разных культур.

Таким образом, с помощью лексикографической практики дефинирования автор помогает читателю определить сущность тех или иных явлений, направить весь процесс восприятия художественного текста в нужное русло. Дефиниции-комментарии следует рассматривать как компоненты познавательного процесса, сознательно организованного автором. Система дефиниций суммируется в сознании читателя для феноменологически верного восприятия.

Практика введения сносок-комментариев В.И. Далем имеет глубокие творческие и лингвоэнциклопедические истоки. Существует много исследований о комментариях к словам и выражениям (Николина 1986 и др.). Н. А. Николина приходит к выводу, что метаязыковые комментарии в художественном тексте «сообщают читателю необходимые сведения, способствуют созданию для него добавочных ассоциаций, важных для автора, устанавливая общий для отправителя текста и его адресата код» (Николина 1986: 65). Нас интересует несколько иная постановка вопроса – изучение со-

знательного герменевтического начала в художественных текстах как следствие лингвоэнциклопедического и лексикографического мышления В. И. Даля.

Можно выделить несколько типов сносок-комментариев:

1. *Сноски-комментарии, приближенные к дефинициям из словарей:*

Окунулся он (Проклятов – А. Б.) потому, что тысячи рыболовов, кинувшихся на лед, на одну зазномо хорошую *ятовь*¹, искрошили в четверть часа весь лед под собою, вытаскивая на всех точках рыбу, и вскрыли всю реку (Автор, «Уральский казак») (Даль 1898, 7: 177).

Другой пример связан с комментированием русского национального костюма:

Увидал я ее (Марфу Петровну Столешникову – А. Б.) впервые, когда шла она с отцом из церкви, в праздничный день, разубранная, разукрашенная, ну волос в волос моя сказочная царевна: и походка такая, и стать такая же, и личиком как будто на нее похожа... повязка с жемчужною поднизью и назатыльником, жемчужные борки ожерельем, как вот будто кто на мою красавицу горстями высыпал жемчуг, вся им облита; сарафанчик штофный, розовый, с золотою обшвой; телогрея парчевая, бористая на черных соболях, фата кованая²... (Записки ссыльного, «Варнак») (Даль 1897, 5: 72).

- 1) Ятовь – омут, в который ложится красная рыба на зимовку. Она ложится тесно, в несколько ярусов, и спит: шум и стук ее в то время не пугает и ее просто ощупывают баграми и вытаскивают.
- 2) Два неразрезанных шелковых платка, ширинкой, с золотыми цветами.

Как видно из примеров, каждый непонятный для читателя предмет получает свою дефиницию – автор формирует понятие о нем, ведет читателя к сущности предмета. Художественный текст с лексикографическими вкраплениями обретает нечто новое: в толкованиях автор комментирует необходимый «жизненный» фон художественного текста.

234

2. *Сноски-комментарии, представляющие собой этнографические дефиниции.*

Этнографические дефиниции представляют собой лингвоэтнографические справки: «Докучая всем до невероятности, когда находила на него эта полоса премудрости, он сам был собою доволен и счастлив; послушать его, так он преобразовал весь околоток, из крестьян своих сделал умных, рассудительных, добрых и послушных людей – а поглядишь на деле, бестолочь такая же, как и всюду: та же бессмертная овца, те же тальки, самосидные яйца, утиральники и пени с новоженцев³» («Вах Сидоров Чайкин или рассказ его о собственном житье-бытье, за первую половину жизни своей») (Даль 1897, 3: 5–6). Неосведомленного читателя автор просвещает с помощью сноски-комментария: «Бессмертный баран или овца дается молодому крестьянину, когда его женят, на обзаведение хозяйства; крестьянин обязан прокормить эту даровую овцу, и подносить барину ежегодно по ягненку; жива ли, нет ли овца, никто не спрашивает; она числится бессмертною. *Тальками* называются уроки, задаваемые бабам на зимние ночи, когда их заставляют прясть лен; здоровые бабы ходят

на другую барскую работу, а хворые, ко-солапые, сидят при нагорелых лучинах и прядут свои тальки. Бабы, в одном мне известном случае, не могли или не хотели откупиться от работы этой за 60 к. в зиму, а между тем плачут за нею горько и просят освободить от нее. *Самосидные яйца* – раздаются по паре во все крестьянские дворы, и бабы обязаны высидеть и представить за них весною цыплят. Шитые утиральники и по десяти рублей собираются со всех новоженцев, в пользу господ, когда молодым дается позволение вступить в брак. Все очень полезные и хозяйственные заведения». Толкования этнографического характера являются средством прояснения трудных для понимания фрагментов культуры и текста. Стратегию такого описания можно определить так: прояснение особенностей крестьянской жизни с помощью интерпретационной лексикографической деятельности. Лексикографические включения в художественном тексте – творческая герменевтическая необходимость, это своеобразная герменевтическая операция, посредством которой художественный текст и его составляющие становятся понятными для читателя.

3. *Сноски-комментарии, в которых автор дает истолкование профессиональной лексики.*

С помощью лексикографических рамок автор нацеливает читателя на лучшее знание мира, понимание текста и профессиональной лексики: «В самое это время волной высадило *носовой погонный порт*⁴, и положение брига сдела-

3) Для некоторых читателей надобно, вероятно, пояснить это место.

4) Отверстие в носу, по обе стороны, для стрельбы, при погоне за бегущим неприятельским судном; все порты в бурю плотно заделываются.

лось ужасным: каждый набегавший вал вливался в бриг, расплывался по всей внутренности его и тотчас же застывал, обращаясь в лед...» (Автор, «Крушение») (Даль 1897, 5: 296).

Главная функция дефинирования и комментирования в структуре художественных текстов В. И. Даля – универсальное постижение смысла читателем. Художественный лексикографический эффект уникален: в художественных дефинициях автор толкует мир ценностей, мир предметов, создавая тем самым лексикографический художественный практический мир. Многосторонность лексикографической практики В. И. Даля в художественных текстах определяется энциклопедическим мышлением автора.

Таким образом, стратегию лексикографической деятельности В. И. Даля в художественных текстах можно определить следующим образом – интерпретирующее истолкование, подсказывающее читателю механизмы понимания. Герменевтическая техника В. И. Даля уникальна: она ориентирована на читателя, который не всегда ясно может понимать некоторый круг вопросов. Лексикографические включения в художественных текстах В. И. Даля – это художественный метод писателя-лексикографа. Целью художественного лексикографического герменевтического искусства В. И. Даля является понимание, а комментирование (интерпретация) – методом. Лексикографическую практику В. И. Даля в рамках художественных текстов следует рассматривать как сознательную языковорческую деятельность писателя, как существенную необходимость с целью прояснения художественного текста.

2. Герменевтическая работа с фактами «наивной» лингвистики, «народной» лингвистики.

Вслед за М. Р. Шумариной под обыденной («стихийной», «естественной», «наивной») лингвистикой будем понимать «совокупность (система) обыденных знаний, представлений, суждений о языке и соответствующих лингвистических «технологий». Субъектом обыденной лингвистики является «стихийный (наивный) лингвист» – то есть носитель языка, не занимающийся профессионально лингвистикой» (Шумарина 2011: 35). М. Р. Шумарина определяет и другое важное для нас понятие: «Научно-лингвистическую деятельность, направленную на изучение феномена обыденной лингвистики, мы называем теорией обыденной лингвистики» (Шумарина 2011: 35).

Исследователи отмечают роль обыденных (ненаучных) представлений о языке, так как «обыденное метаязыковое сознание занимает не периферийное положение в ментальной сфере языка, как раз напротив – оно составляет ядерный компонент ментально-языковой ситуации в современной России, поскольку с ним связан механизм синтеза онтологического и гносеологического бытия языка. Обыденная лингвистика и металингвистика занимают центральное положение в лингвистической гносеологии, работы в этой области имеют прямой выход в лингводидактику и языковое строительство» (Голев 2008: 12).

В. И. Даль приходит к корректной интерпретации явлений «народной», «стихийной» лингвистики, помогая рядовому носителю языка. Пример интерпретационной деятельности В. И. Даля

в области «наивной» лингвистики: «Она (Дарья – прим. автора) была черноволоса и черноглаза, очень бела для крестьянки, росла и статна; черты лица ее были чрезвычайно живы и выразительны, и за здравый прямой ум свой она получила прозвание *kozyрь-девки*» (Автор о Дарье, «Невеста с площади») (Даль 1897, 5: 119). Характеристика-описание заканчивается названием понятия с явно выраженным мотивированным значением.

3. Герменевтическая работа с пословицами и поговорками.

Особое место в художественных текстах отводится пословицам и поговоркам, служащим герменевтическими указателями для читателя. В ходе прочтения «Напутного» к сборнику «Пословицы русского народа» мы видим весь ход мыслей автора по поводу статуса пословиц для русского народа: «При таком расположении довольно полного сборника я уже не только тешусь острою той либо другой пословицы, но вижу в них одну общую и цельную картину, в которой есть более глубокий смысл и значение, чем в одиночных заметках. Это перегон или выморозки ума целых поколений, в образе родного быта, с приправою всего, что только касалось этого насущного и умственного быта. Я могу за один раз вникнуть плотским и духовным глазом своим во все, что народ сказал о любом предмете мирского и семейного быта; и если предмет близок этому быту, если входит в насущную его жизнь, то народ – в этом можете быть уверены – разглядел и обсудил его кругом и со всех сторон, составил об этом устные приговоры свои, пустил их в ход и решения своего не изменит, покуда разве не изменятся обстоятельства. А чего нет в приговорах этих,

то и в насущности до народа не доходило, не заботило, не радовало и не печалило его» (Даль 1984,1: 19–20).

Герменевтическая работа В. И. Даля с пословицами и поговорками в художественных текстах характеризуется: 1) использованием пословиц и поговорок в речи героев; 2) использованием их в речи самого автора.

1. Пословицы и поговорки используются в речи героев в виде каскада с целью разъяснения.

– Кинь корочку в гору – говорил Долгай, выворачивая на изнанку смысл этой пословицы: – придет к тебе в пору; не пожалей за рубль алтына, а не придет рубль, так придет полтина; кому счастье, кому талант, гребни денежки в карман; не пойдешь в звонари, не попадешь и в пономари: кто смелый, кто счастливый, у кого на роду написано разжиться с легкой руки, из-под наперстка доски, в легкий день субботний! Что бабушка! аль за внука в солдаты идешь? – закричал он громогласно старушке, которая сгорбившись несла на плече продавать какое-то старое ружье... Народ захохотал, но смелый и счастливый не выходил: видно изверились на сегодняшний день, или берегли копейку на кружало («Небывалое в былом или бывалое в небывалом») (Даль 1897, 2: 32–33).

Подобно тексту словарной статьи, в которой в качестве словарных иллюстраций В. И. Даль предлагает блок пословиц и поговорок, в художественном тексте прояснение смысла идет за счет сцепления пословиц и поговорок.

– По пустякам ты тревожишь их милость – сказал он относительно заявления пропажи: – не и вправду им служить на нашего брата. Ты рублем прост, я умом прост; а по простому уму моему, что тише, то и лучше; за толчком не гонись, разве одного мало, так поди **за** другим... Так надо жить и всякому человеку; сам только никого не затрагивай, не обижай, а коли тебя обидят, нужды нет; в *душе* и сердце прости по-христиански, а по уму-разуму и для своей же пользы смолчи; не то вместо одного обидчика, набежишь на семерых.

– Хорошо наставление ваше, Андрей Алексеевич – сказал я: – да ину пору больно накладно. *Ведь* не на то же они поставлены, чтоб быть поголовно мошенниками и сживать со свету честных людей...

– Не осуждай, тёска, да не осужден будешь. Не особое же поколение для того на свете нарождается; попали бы мы с тобой туда, и мы были бы таковы же; стало быть, не гребень волос чешет, а время; не время волос белит, а кручина. Против попущения Божия спорить не станешь...» («Небывалое в былом или бывшее в небывалом») (Даль 1897, 2: 35–36).

2. Пословицы и поговорки используются в речи самого автора, так как помогают автору прийти к адекватному объяснению смысла того или иного понятия:

Напротив, воспитатели покойника твердили ему на словах и в поучениях всегда противное, то есть приказывали быть правдивым, честным, прямым, даже добродетельным; да вот беда – от слова не сбудется, криком изба рубится; поле – и все-то

в один переклик, да не перейдешь сам, так и не будешь там, хош кричи, не кричи. Покойник же следовал наставникам своим всегда и во всем, доколе ходил между нами в тяжелойке своем, то есть он всегда хвалил одну правду и всем наказывал любить ее; но он не путал слова и дела, и, различая одно от другого, как привык видеть сызмалу, говорил всегда, что должно, а делал, что было нужно (Автор, «Бред») (Даль 1897, 5: 101).

Другой пример:

Рано утром 14-го числа командир увидел, что всего этого мало, что шхуна грузнет и должна затонуть. *Но живой живое гадает; не будь плох, не покинет и Бог:* сбросили в море брифок-рей, отрубили утлегерь; шхуна вынырнула! Вся команда и все офицеры бросились опять обрубать лед вокруг, сваливая глыбы его в море, и шхуна уцелела (Автор, «Тендер Струя» // «Матросские досуги») (Даль 1897, 6: 276–277).

Каскад пословиц и поговорок является одним из герменевтических операторов, умело использованным в художественном и лексикографическом тексте.

Вышеназванная герменевтическая практика истолкования была использована В. И. Далем в практике составления словарных статей. Практика ввода дефиниций в художественный текст коррелятивна лексикографической практике толкования: лексикограф использует понятийные толкования; толкования с помощью синонимических рядов. Сноски-комментарии, использованные в художественных текстах как герменевтические указатели, соотносительны с

этнографическими словарными иллюстрациями, которые также толкует лексикограф. Герменевтической работе с «наивным» лингвистическим знанием посвящена значительная часть словарных материалов Словаря. Использование пословиц и поговорок в герменевтических целях также наглядно представлено и словарных иллюстрациях Словаря В. И. Даля.

В Словаре В. И. Даля действует пошаговая система герменевтических отсылок. *Каскад толкований* имеет место быть на различных уровнях организации словарной статьи.

Каскад толкований в дефинициях. *Пахталка* – «ручная маслобойня: высокая узкая кадушка, с крышкою, в которую пропущена *пахтальная мутовка*, палка с дырчатым кружком или крестом; есть и *пахталки* иного устройства, с лебедкою и с шестернею» (Даль 2002, 111: 26). *Кат* – «трехшквивные тали, тяга, которою якорь, показавшийся при подъеме его из-под воды, подымается на крамбал». *Кат-блок* – «один из блоков тяги этой, особ. нижний, с крюком, *кат-гаком* м., для закладки за рым (кольцо) якоря; в блоки эти снуется *катлопарь* м. веревка в руку толщины» (Даль 2002, 111: 98).

Каскад толкований в комментариях, дополняющих объем дефиниции. *Раздуванить* – «разделить, поделить добычу»; бывшие волжские разбойники *дуван дуванили*, делили добычу, после каждого грабежа; *дуваный бугор*, в устьях Урала, где казаки, возвращаясь с набегов на Персию, приставали для дележа добычи (Даль 2002, 1v: 28). От толкования глагола раздуванить лексикограф переходит к каскаду толкований словосочетаний *дуван дуванили* и *дуваный бугор*.

Каскад толкований в словарных иллюстрациях. В словарных статьях словарные иллюстрации содержат каскад герменевтических операций: «*Паруса*, по виду, делятся на *прямые* (четвероугольные) и *косые* (или стаксели), а затем еще и по вооруженью судна, на *гафельные* (см. *гик, гафель*), *шпринтовые* (с шестом долоною), *латинские* (со вздернутым высоко острым углом), *боковые* (лисели) и пр.» (Даль 2002, 111: 19).

При толковании слова *засол* в словарной статье *засаливать* (как и во многих других словарных статьях) мы также выявляем общие процедуры герменевтической деятельности В. И. Даля на уровне художественных текстов и Словаря. Охарактеризуем их: понятийное дефинирование – «способ соленья, по качеству его; || все количество чего, в один раз посоленное впрок»; дефинирование с помощью синонимов – «У солеваров: рассол, тузлук, вываренный в чрене до той крепости, что соль начинает осаждаться» (Даль 2002, 1: 632–633). Богат и закономерен корпус словарных иллюстраций: *Для засола самосадочная соль лучше выварной. Одним засолом не управишься, дели мясо на два засола. Засол крутой, средний, слабый. Нет лучше огурцов нижегородского засола, в тыквах* (Даль 2002, 1: 633).

Таким образом, единство герменевтических процедур свидетельствует о лингвоэнциклопедическом (лексикографическом) мышлении В. И. Даля, о том, что лингвистическая работа представлена и в художественной деятельности и именно она организует художественный текст как феноменологическую реальность.

summary

[ADZHUA I. BAIRAMUKOVA]

Germenevtichesky principles of oneiromancy and expressions in art texts and “The explanatory dictionary of living great Russian language” V. I. Dahl

239

V. I. Dahl’s Germenevtichesky practice in art texts is reduced to the following germenevtichesky actions: 1) the art definitions built in the direct art text; 2) footnotes comments of various character from linguistic, lingvoentsiklopedichesky to purely actually encyclopedic; 3) cascade of proverbs and sayings.

Definitions and footnotes comments act as lingvoentsiklopedichesky analytical germenevtichesky indexes. V. I. Dahl’s lingvoentsiklopedichesky thought collects all data in the comment. V. I. Dahl’s comments indicate variety of his knowledge. V. I. Dahl’s linguistic reflection has property of an opredmechivaniye: during interpretation appear subject essence. V. I. Dahl’s lingvoentsiklopedichesky reflektiruyushchy look phenomenologically outlines concept. The look of reflektiruyushchy consciousness reaches deep senses of concept. Definitions and the comment on pages of art texts of V. I. Dahl takes place to be in all types of art texts. Interpretive strategy are caused by a comprehensive encyclopedic view of the world and V. I. Dahl’s unique linguistic abilities on information transfer. The art lexicographic reality is created. The encyclopedic facts double in a linguistic reflection through comments, and also intra text art definitions.

Interpretation principles in art texts and the Dictionary are: 1) principle of connection of linguistic and not linguistic (encyclopedic) knowledge; 2) an expansion and deepening principle «knowledge – about» a subject: V. I. Dahl goes from all-round «knowledge – about»; 3) principle of empirical confirmation. Comprehension of sense is given in linguistic reflective installation. The writer goes to knowledge analysis, we see process of cogitative activity. Encyclopedic experience of the author is used by the scientist in the form of interpretation.

During studying correlation of art texts and texts of the Dictionary of V. I. Dahl comes to light the unique nature of the Dictionary as “curtailed” form of lingvoentsiklopedichesky knowledge. The reality in the Dictionary is given as linguistically and is skilled the intelligent.

Библиографический список:

- Вежбицкая 1996: **Вежбицкая, Анна**. Язык. Культура. Познание. – М., 1996. – 416 с.
 Виноградов 1971: **Виноградов, Виктор**. О теории художественной речи. – М.: Высшая школа, 1971. – 240 с.
 Винокур 1993: **Винокур, Татьяна**. Говорящий и слушающий. Варианты речевого поведения. – М.: Наука, 1993. – 172 с.
 Выготский 1996: **Выготский, Лев**. Серия «Антология гуманной педагогики». – М.: Изд. Дом Шалвы Амонашвили, 1996. – 224 с.

2012

- Голев 2009: **Голев, Николай**. Обыденное метаязыковое сознание как онтологический и гносеологический феномен (к поискам «лингвогносеологем») // Обыденное метаязыковое сознание: онтологические и гносеологические аспекты. Кемерово; Барнаул, 2009. ч. 1. – С. 7–40.
- Голев 2009: **Голев, Николай**. От редколлегии: лингвистика метаязыкового сознания (проблемы и перспективы) // Обыденное метаязыковое сознание и наивная лингвистика. – Кемерово; Барнаул, 2008. – С. 6–11.
- Губман 2005: **Губман, Борис**. Современная философия культуры. – М.: РОССПЭН, 2005. – 536 с.
- Даль 1897–1898: **Даль, Владимир**. Полное собрание сочинений. В 10 т. – Санкт-Петербург, Москва: Издание Товарищества М. О. Вольф, 1897–1898.
- Даль 1984: **Даль, Владимир**. Пословицы русского народа: Сборник: В 2 т. – М.: Художественная литература, 1984.
- Даль 2002: **Даль, Владимир**. Толковый словарь живого великорусского языка. В 4 т. – Москва: Русский язык, 2002.
- Кондаков 1975: **Кондаков, Николай**. Логический словарь-справочник. – М.: Наука, 1975. – 720 с.
- Левина 1978: **Левина, Раиса**. Неосознаваемые процессы формирования «чувства языка» // Бессознательное: Природа. Функционирование. Методы исследования. Тбилиси, 1978. Т. 3. – С. 249–254.
- Николина 1986: **Николина Наталья**. Семантизация слов и ее функции в художественном тексте // Язык и композиция художественного текста. М.: Искусство, 1986. – С. 64–75.
- Шумарина 2011: **Шумарина, Марина**. Язык в зеркале художественного текста (Метаязыковая рефлексия в произведениях русской прозы): монография. – М.: Флинта: Наука, 2011. – 328 с.
- Щюц 2004: **Щюц, Альфред**. Избранное: Мир, светящийся смыслом. – М.: Российская политическая энциклопедия, 2004. – 1056 с.